

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АКТРИСЕ

К ЮБИЛЕЮ
НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР
МАРИИ БАБАНОВОЙ

● М. Бабанова в роли Полинки в пьесе А. Н. Островского «Доходное место». 1932 год.

Гравюра М. Пикова.

Любимый актер — друг твоей жизни!

Слова, написанные драматургом, приобретают свое истинное значение тогда только, когда они произнесены Актером. Но как...

«Теряют больше иногда», — говорит в «Собаке на сене» Теодоро графиня Диана.

«Теряют больше иногда...» Всего три слова, да и значат ли они что-либо, не будь произнесены великой актрисой?

«Теряют больше иногда...». Но в памяти остались они на всю жизнь благодаря музыке интонации, проснявшейся их смысл и значение.

Сколько было потом обманов, потерь, горестных расставаний, и всегда в те тягостные минуты вставало как утешение это... «теряют больше иногда!» И вспоминался не текст, не слова, пришедшие когда-то на ум Лопе де Вега, а чарующая прелесть интонации Марии Ивановны Бабановой.

Именно интонация становилась мыслью, именно она утешала в беде. Поистине торжество драматического актера — в пленительном звучании слова, в той свойственной только ему поэтической му-

зыке подтекста, которая делает чудом искусства прозаический смысл написанного.

Современный театр эпохи НТР нечасто дарит нас этим счастьем — даже крупные таланты разрушают музыку слова всевозможными занятиями, становясь жертвами жалкого правдоподобия.

И вот для того чтобы очистить себя от скверны натурализма, возьмите диск «М. И. Бабанова», доверьтесь этой уникальной пластинке, и она вернет вас в ушедший театр — ужели навсегда? — где поэзия была выше правдоподобия.

В ранней юности, когда я уже всецело был предан волшебству драматического искусства, моими любимцами были те, кто и открыл мне великое счастье быть Театралом. — В. Давыдов, Кондрат Яковлев, Н. Ходотов, П. Самойлов, М. Домашева, М. Ведринская и другие из блестящего тогда созвездия Александринского театра. Это был мой первый театр, первая прекрасная юношеская влюбленность, его законы казались единственными, и я не хотел иной правды.

Однако посетившая вскоре Петроград вахтанговская Ту-

рандот несколько пошатнула мою наивную веру в абсолютную непогрешимость старой Александринки. Впрочем, было это всего лишь восторженным удивлением перед неизвестной мне доселе магией Режиссуры. Но чрезвычайные события следовали одно за другим, и мою молодую душу охватило предчувствие нового открытия. Так и есть — я стоял перед афишей «Великодушного рогоносца», его возвещал приехавший на гастроли Театр Мейерхольда. Вечером на спектакле я простился навсегда со многим, что, казалось бы, любил навечно. Я не буду сейчас говорить о гении Мейерхольда, открывшего мне тогда новое измерение Театра, вскозь упомяну яростный, бурный талант молодого Ильинского — Брюно, которому сопутствовал загадочный печальный клоун Эстрию Зайчикова, и остановлюсь на явлении молодой Бабановой — она опустилась на нашу грешную театральную землю, как нездешнее чудо, как воспоминание, казалось бы, забытой, изгнанной навсегда женственности, явилась, как ангел, на дерзко оголенной режиссером сцене,

в кружении деревянных колесиков, в мелькании синих прозодежд. И когда мы услышали наконец неповторимый бабановский голос, мы поняли, что не ошиблись, — на советскую сцену действительно опустился ангел.

За этим последовало до отчаянности естественное протодушие Полинки в «Доходном месте», когда в глазах темнело от лирического напора, который источало это недалекое создание в любви и нежности к своему милому Жадову.

А вот уже и новое — по всей сути, театральной и человеческой, новое дарение актрисы — «Рычи, Китай!» — бой-китайчонок. Крошечный эпизод, ставший как бы лирической доминантой в агитационном спектакле. Очевидцы свидетельствовали: «Когда мысленно перебираешь в сознании наиболее сильные моменты в истории советского театра, всегда возникает в памяти трогательный образ мальчика в белой полотняной одежде, он плачет детскими беспомощными слезами и угрожает кровавой жестокой судьбе...» (П. Новицкий).

Поистине это был драгоценный бриллиант Агитпропа... И как не сказать сегодня: вы, нынешние, — нутка!

И вот начало новой театральной судьбы, уже без ее великого учителя — изящный, несколько пряный, рафинированный психологизм в роли Гоги в «Человеке с портфелем», явившийся открытием для театральной Москвы.

И так роль за ролью в Театре Революции, всегда новая и вечно та же Мария Ивановна Бабанова — Джульетта, Анка, Диана, Таня... Но тут пишушему эти строки следует умолкнуть — труднее всего подбираешь слова, чтобы выразить благодарность. И не только за то, как было сыграно. Еще и за то, что было все-таки сыграно. Слишком уж не легок, а многотруден и тернист был наш путь к премьере. И все же, как ни вспоминай, но это было счастливое и веселое для нас время. Как спорили, как не соглашались друг с другом и как ждали новой встречи, чтобы доказать наконец свою правоту!

В те времена спектакли кончались в двенадцатом часу ночи, и вот после очередной «Собаки» или «Джульетты» мы провозжали с Валея Плучеком Марию Ивановну до ее дома, весело споря о системе Станиславского или попросту играя в снежки на Петровском бульваре. О, простодушные тридцатые годы — так не похоже на себя в наших поздних воспоминаниях! Впрочем, «Гастрономы» в ту пору были открыты до часу ночи, а актерам не следовало по утрам торопиться на телевидение или на «Мосфильм», дабы озвучивать очередного Мопсика или Кису. Зарплата, правда, была невелика, но многих в те времена это трогало не слышком; в цене были иные ценности.

Не торопясь, медленно шли мы по бульварам на Петровку. Поминая добрыми словами двадцатые годы столетия — время нашей юности или мечтая о нашем будущем. О студии, о первых репетициях «Города на заре», а то и о будущем театра, где первую роль в своих желаниях мы отводили ей...

Но близилась дни войны, и не все, далеко не все сложилось так, как мы того желали.

Трудную, сложную и все-таки счастливую жизнь прожила на театре Бабанова. Счастливую потому, что прожила ее достойно, ни в чем не изменяя себе, плача и радуясь, но всегда оставаясь верной себе.

Но как много и нерасчетливо она теряла, своенравный, привередливый гений, никому не желающая ничего прощать и более всего себе самой. Взаблотно заявлявшая, что может играть только дурочек и вскоре с блеском опровергавшая себя в Софье из «Зыковых».

Сколько она упустила, сколько прошло мимо нее... Впрочем, тут она и сама, пожалуй, не промах — ведь более всего виноватой являлась. Я думаю, ее недоверчивость к себе самой...

Ее благородная мнительность... До сегодняшнего дня. И все же...

Казалось бы, немного сыграно ролей на актерском веку, но сколь многие из них истинные шедевры.

Алексей АРБУЗОВ.